

Ф.Д. Подберёзкин

Russi и Russia в этногеографической концепции Альберта Кранца

В книге «Вандалия» Альберта Кранца встречается наибольшее количество сюжетов по истории Руси в немецкой историографии конца XV – начала XVI века. Разнообразный корпус устных и письменных источников, подробное изложение некоторых сюжетов из истории Руси позволяет ставить проблему рецепции русских земель в северонемецком культурном пространстве в преддверии издания «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна. Важно определить контекст, в котором автор как представитель нижненемецкой традиции осознавал термины Русь (*Russia*), русские (*Russi*). Кранц признает обладателем всей Руси великого князя московского, хорошо ориентируется в исторических, политических и конфессиональных реалиях русских земель конца XV – начала XVI столетий и дает позитивную оценку русским в целом. Такие представления обусловлены интегративной концепцией «*Germania magna*», которая впервые включила русских в европейский исторический континуум. Она также позволяет выяснить, в каких категориях северонемецкие писатели могли воспринимать Восточную Европу на стыке средневековой и гуманистической историографии.

Ключевые слова: «Вандалия», Альберт Кранц, «*Germania magna*», *Russia*, русские, Герберштейн.

P.D. Podberezkin

Russi and Russia in Albert Krantz's ethnogeographical concept

In the book «*Vandalia*» by Albert Krantz there is the largest number of plots on the history of Russia in German historiography of the late XV – early XVI century. A diverse corpus of oral and written sources, a detailed presentation of some plots from the history of Rus allows to raise the problem of reception of Russian lands in North German cultural space on the eve of the publication of Sigismund Herberstein's

«*Notes on Muscovy*». It is important to determine the context in which the author, as a representative of the Low German tradition, was aware of the terms *Rus (Russia)*, *Russians (Russi)*. Krantz recognizes the Grand Duke of Moscow as the owner of all *Rus*, is well-versed in the historical, political and confessional realities of the Russian lands of the late XV – early XVI centuries and gives a positive assessment of the Russians as a whole. Such ideas are conditioned by the integrative concept of *Germania magna*, which for the first time included Russians in the European historical continuum. It also makes it possible to find out in which categories the North German writers could perceive Eastern Europe at the junction of medieval and humanistic historiography.

Keywords: «Vandalia, Albert Krantz, «Germania magna», Russia, Russians, Herberstein.

В исторической мысли закрепилось представление о *Rerum Moscoviticarum Commentarii* (1549) Сигизмунда Герберштейна как о первом большом нарративе, который «открыл» русских (под русскими в данной статье понимается православное население Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского), их историю и образ жизни для европейских интеллектуалов. Однако достаточно интенсивные контакты между русскими землями на севере (Новгородом, Псковом, Полоцком) и городами Ганзы в XIII–XV веках позволяют ставить вопрос о возможности устойчивой устной традиции рецепции Руси в северной Германии более широкими группами населения (в первую очередь, купечеством) в противовес интеллектуалам, чья этногеография основывалась в основном на творениях «Геродота и Птолемея, Плиния и Тацита» [1]. Естественно, купцы не оставили после себя специальных книг о русском краеведении, несмотря на обилие «русских сюжетов» в нижненемецкой хронистике [2]. Но на примере отдельных произведений северонемецкой исторической литературы можно проследить не только искусственный перенос античных категорий на восточнославянскую почву, но и традицию представлений о Руси, подкрепленных самостоятельными наблюдениями и рассказами знающих купцов. Возможно ли выяснить, что думали о Руси купцы и функционеры Ганзы накануне посольства знаменитого австрийского барона? Как комбинация письменных свидетельств и собственных знаний позволяла включить русские земли

в европейский контекст? Ответить на эти вопросы мы попробуем на основе анализа книги «Вандалия» писателя и дипломата из Гамбурга, функционера Ганзы Альберта Кранца (1448–1517) [3].

Исторические работы Альберта Кранца увидели мир после смерти автора. Мы склонны доверять выводу Ульриха Андерманна, который считает, что все историческиеopus Кранца были задуманы как части одного большого исторического нарратива. В качестве возможной датировки немецкий исследователь приводит временной промежуток 1500–1504 годов [4]. Нам представляется, что *terminus ante quem* одного из этих произведений – «Вандалии» (под вандалами автор понимает славян [5]) – может быть период 1501–1502 годов. Это следует из упоминания Кранца о ливонском периоде русско-литовской войны (1501–1502) как современной ему (*hodie*); при этом он не знает, чем она закончится (*necdum vidimus*) [6] – т.е. книга писалась до перемирия 1503 года, о котором в ганзейских землях было хорошо известно. Книга «Вандалия» может быть интересной для изучения рецепции русских земель начала XVI века, исходя из нескольких причин. Во-первых, сюжетные упоминания *Russia* и *Russi* в книге встречаются примерно 35 раз – вероятно, больше, чем в какой-либо другой книге Священной Римской империи того времени. Во-вторых, Альберт Кранц, долгое время являвшийся дипломатом Ганзы [7], в наиболее интенсивный период своей историографической деятельности (1486–1511) имел возможность постоянной коммуникации как со своими коллегами, так и с представителями других земель от Антверпена на западе до Ревеля и Дерпта на востоке [8]. В это время активизировалась ливонская политика Ивана III, произошел международный резонанс, вызванный закрытием немецкого подворья в Новгороде (1494) [9], войной 1500–1503 годов. В-третьих, Кранц использовал как устные свидетельства ганзейских купцов, которые бывали в Новгороде, Пскове и Москве, так и свой собственный опыт (что будет показано ниже на отдельных примерах). В-четвертых, именно Альберт Кранц впервые включил русских в концепцию «Великой Германии» («*Germania magna*»), создав таким образом интеллектуальное пространство для включения русских в общеевропейский контекст «*origo nations*». Ниже мы определим источники знаний о *Russia* и *Russi*, коннотации этих названий в «Вандалии».

С современной точки зрения античные авторы не могут являться источником исторических фактов о происхождении и истории русских. Но здесь важны не факты, а концептуальные возможности «античного формата мышления» [10]: само название «Вандалия» очерчивает этногеографическую модель, в которую включались *Russi* и *Russia*. Далее модель восприятия русских в «античном формате» повсюду проявляется в «Вандалии» (роксоланы [11]). Благодаря этой модели *Russi* становятся объектом исторического мифотворчества, в рамках которого приводятся реальные исторические события, взятые из доступных автору письменных и устных источников. Альберт Кранц использовал любекские городские хроники – можно уверенно утверждать, что ряд русских сюжетов он заимствовал из хроники *Продолжателя Детмара*, а также из *Chronica novella* Германа Корнера [12], которые, в свою очередь, использовали «русский материал» из более ранних любекских и прусских хроник (яркий пример – сюжет о Куликовской битве [13]). Необходимо выяснить устные источники «русских сюжетов» Альберта Кранца. Вполне вероятно, что Кранц использовал рассказы купцов, которые посещали Москву (из рассказа о *preclaras urbes Musgoviam* [14]). Из сюжета про Псков, который обнесен камнями по немецкому образцу, а внутри – по нраву того региона [15], можно полагать, что Кранц пользовался достоверными слухами о внешнем виде северонемецких городов. Писатель использовал и пословицы, которые имели хождение в северонемецкой городской среде (например, *Quis potest contra Deum et magnam Neugardiam?* [16]). Можно выделить примерный пласт сведений, которые основывались на собственных сведениях автора. Благодаря своему статусу церковного деятеля Кранц смог очень детально и точно определить спутников Исидора во время поездки митрополита через Италию в Любек в 1438 году [17]. К собственной информации автора (который мог пользоваться и широко известными в то время сведениями) относится и упоминание русских жителей Юлина [18], точная информация про северные границы русских земель [19], титулы великого князя московского. Таким образом, оригинальность «русских сюжетов» создавалась благодаря авторской комбинации сведений античных писателей и немецких хронистов XIV–XV веков в рамках концепции «*Germania magna*», а также устной традиции и собственного опыта. Далее тематически рассмотрим коннотации терминов *Russi* и *Russia*.

Какие идентичности Альберт Кранц вкладывал в термин *Russi*? Для их определения писатель использовал античные конструкты и современные ему критерии. Так, родоначальника вандалов, Вандала, он называет сыном тацитовского короля германцев Туискона [20]. Таким образом, славяне как потомки Вандала и русские как вандалы-славяне [21] имеют кровно-историческое единство с германцами. Одним из главных критериев для определения общего происхождения по Кранцу является: *Lingua in Russis, Polonis, Bohoemis, Dalmatis, Histrijs in nostris Wandalis una est* [22]. Однако фактор языка определяет только вандальскую (славянскую) идентичность русских. Русские наравне с литовцами и поляками еще зовутся сарматами: *Sarmatae dicti, Russi sunt, Letuani et Poloni* [23]. Кранц не подчеркивает подобие литовского языка с каким-либо из славянских, не упоминает литовцев в перечислении вандальских народов. Сарматская и славянская идентичности у русских и поляков взаимодополняют друг друга в рамках общей «*Germania magna*» от Рейна до Дона. Таким образом, *Russi* имеют как минимум четыре идентичности: русские – вандалы – сарматы – жители *Великой Германии*.

Где живут *Russi*? Наиболее реальным выглядит описание Кранцем северных и северо-западных границ *Russia*: последняя граничит со Швецией, Ливонией и Литвой (Кранц передает специфически датское название Руси – *Ostrogard* [24]). Понятно, что для ганзейского функционера *Russia* ассоциируется прежде всего с Псковом и Новгородом, чьи метафорические описания на основе устных источников автор оставил во втором разделе первой книги «Вандалии». При этом Москва называется резиденцией великого князя московского, *ярчайшим городом* [25]. Здесь мы можем наблюдать перемены политического восприятия русских ганзейцами в конце XV века – теперь последние понимали под *Russia* не отдельные городские республики Псков и Новгород, а часть владений великого князя московского. У Кранца мы встречаем интересное сообщение о русском населении северонемецкого Юлина [26]. В целом же можно сказать, что границы расселения русских по Кранцу имеют выраженную политическую коннотацию – ибо они точно совпадают со сферой влияния Москвы.

Альберт Кранц как теолог всегда уточняет конфессиональное положение народов, населявших *Germania magna*. Русские чаще называются последователями Восточной Церкви [27]; кое-где

автор определяет их как схизматиков [28]. Кстати, в поздних переводах Кранца на немецкий язык схизматики могли заменяться на еретиков – так, например, звучала приведенная цитата издания 1519 года в любекском издании 1600 г.: *die Reussen, welche in ihrer Ketzerey der Orientalischen Kirchen folgen* [29]. Возможно, переводчик Кранца находился под влиянием процессов конфессионализации середины XVI века и таким образом переформулировал тексты Кранца. Здесь приведем подробное сообщение о проезде митрополита Исидора через Любек в 1438 году: *Isydorus de Kyva, domini toti Russiae, consanguineous imperatoris Grecor, Abraham archiepiscopus de Moscovia, Parcan prepositus Moscoviensis, Gregorius archidiacon totius Russie* [30]. Впечатляет точность, с которой Кранц передал титулы и имена православных прелатов – Исидора, господина всея Руси, Авраама, архиепископа московского и др. Разумеется, Кранц не жил в 1438 году; идентичного кранцевскому сообщения про проезд Исидора через Любек нам не удалось найти – вполне вероятно, что Кранц, основываясь на неизвестных нам источниках (скорее всего, сведениях церковных иерархов Любека), передал точные (понятно, что латинизированные) титулы и имена Исидора и его спутников.

Закономерно было бы спросить, отличает ли Альберт Кранц Русь от Московии – другими словами, синонимична ли *Russia* Кранца владениям великого князя московского. Ответить на этот вопрос особенно интересно в свете претензий двух великих князей – московского и литовского – на обладание всеми русскими землями. Представляется, что решить этот вопрос можно, рассмотрев использование монарших титулов и определений политических границ в «Вандалии». В восьмом разделе шестой книги приведены титулы короля польского, великого князя литовского и великого князя московского – *Russorum imperator, Polonorum rex, Grand imperator Litanorum* [31]. В начале восьмого раздела Кранц уточняет, что *Letuania post eam magna provincia, Polonos a meridie, et Russos ab oriente* [Ibidem]. Таким образом, владения русского императора, великого литовского императора и польского короля совпадают с местом проживания *Russi, Poloni, Letuani*. Такая исключительно политическая коннотация совпадает с вводным пассажем про русских из другого раздела первой книги – *maxime huius gentis nationi hodie imperat magnus Musgovie princeps* [32]. (*Musgovia* и *Russia* для Кранца являются

синонимами [33], однако русские помогают великому князю литовскому Свидригайло в династической войне [34]).

Большое количество сведений о Russi и Russia, опора как на письменные, так и на устные источники, персональное знакомство автора с политическими и конфессиональными реалиями восточнобалтийского региона обуславливают возможность комплексного рассмотрения русских сюжетов «Вандалии» как северонемецкой (ганзейской) рецепции Руси в конце XV – начале XVI века. Эта рецепция так и не стала традицией (т.е. не «произвела» последующих нарративов в «том же духе»): и потому, что Альберт Кранц до своей смерти не опубликовал свои исторические произведения, и потому, что барон Сигизмунд Герберштейн, начавший свое путешествие по Восточной Европе в год смерти Кранца (1517), оставил после себя специальные и более подробные сведения о русских. В итоге северонемецкая рецепция Руси со временем исчезла под влиянием южнонемецкой (австрийской), где русские представлены скорее в негативном свете. Между тем, как выяснилось в итоге нашего разбора, русские в «Вандалии» изображены в позитивно-нейтральном смысле. Объясняется это тем, что Кранц пытался включить их в конструкт «Germania magna» и оригинальную концепцию «Вандалии». В свете этой концепции Russi имели сразу несколько идентичностей – этнополитических и надэтнических, что позволяло «вписывать» славян и германцев в общую историю при сохранении региональных особенностей. Одновременно автор осознавал и точно обозначал географические и конфессиональные особенности Russi – точные знания политических и церковных титулов, политическое обособление Литвы и Руси заставляют задуматься о личных контактах Кранца с представителями московской великокняжеской администрации. На наш взгляд, эти и другие, ранее оговоренные, особенности произведения, могли обусловить относительно невысокую популярность наследия Кранца среди европейских интеллектуалов: между первым и вторым изданием книги прошло 56 лет (1519–1575). Неслучайно, что во время псковского похода 1581 года поляки послали царю Ивану IV несколько разделов с Kranzyusuza (которые мы считаем разделами из «Вандалии» [35]), где описывается поход Ивана III в Ливонию, а не целую книгу.

Однако наследие Кранца не осталось забытым – в XVIII веке российский историк Михаил Ломоносов активно использовал

книги гамбургского писателя при написании Истории Российской [36]. Не только подобие образов (русский сарматизм и роксоланы, приравнивание территории русского племени к русской государственности и проч.), но и общие письменные источники (Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский) заставляют сомневаться в том, что Ломоносов находился под влиянием исключительно киевского Синописа [37]. Но это тема для отдельного исследования.

1. *Доронин А.В.* Русские земли на карте немецких гуманистов 1490–1530 гг. // Европейское Возрождение и русская культура XV – середина XVII в.: контакты и взаимное восприятие / отв. ред. О.Ф. Кудрявцев. Москва 2013. С. 118.

2. *Wiegand G.* Berichte über Osteuropa in spätmittelalterlichen deutschen Stadtchroniken // Rußland und Deutschland. Georg von Rauch zum 70. Geburtstag / Hrsg. von U. Liszkowski. Stuttgart, 1974. S. 15–37 ; *Самсонович Х.* Русские земли глазами жителей Любека XII–XV веков // От Древней Руси к России нового времени : сб. ст. к 70-летию А.Л. Хорошкевич / отв. ред. В.Л. Янин. Москва 2003. С. 438–441 ; *Подберёзкин Ф.Д.* «Pugnans contra paganos»: осада Полоцка 1381 г. и проблема происхождения сведений о Руси в немецких хрониках // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 95–96 ; *Полехов С.В.* Известие хроники Германа Корнера о Вилькомирской битве и его исторический контекст // Pabaisko mūšis ir jo epocha. Vilnius, 2017. С. 95–96.

3. *Andermann U.* Albert Krantz: Wissenschaft und Historiographie um 1500. Weimar, 1999. 361 s. ; *Nordman V.A.* Die Wandalia des Albert Krantz: eine Untersuchung. Helsinki, 1934. 294 s. ; *Подберёзкин Ф.Д.* «Partes Wandalar in magna Germania»: что знал Альберт Кранц о Литве и Руси // Alba Russia: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X–XVI вв.) / отв. ред. А.В. Мартынюк. Москва 2015. С. 185–202.

4. *Andermann U.* Albert Krantz. S. 170.

5. *Wandalia Alberti Krantz / Albert Krantz.* Colonia, 1519. 484 s. Prooemium.

6. *Ibidem.* Lib. I. Cap. II.

7. *Röder F.* Albert Krantz als Syndikus von Lübeck und Hamburg. Marburg 1910. 75 s.

8. *Nordman V.A.* Die Wandalia des Albert Krantz. S. 18–19.

9. *Бессуднова М.Б.* Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта. Москва, 2015. С. 245–256 ; *Wandalia Alberti Krantz.* Lib. XIV. Cap. XXII ; *Nordman V.A.* Die Wandalia des Albert Krantz. S. 212–213.

10. *Bollbuck H.* Geschichts- und Raummodelle bei Albert Krantz (um 1448–1517) und David Chytraeus (1530–1600). Frankfurt am Main, 2006. S. 89–90.

11. *Wandalia Alberti Krantz.* Lib. I. Cap. II.

12. *Nordman V.A.* Die Wandalia des Albert Krantz. S. 103–223.

13. *Подберёзкин Ф.Д.* «Pugnans contra paganos».

14. *Wandalia Alberti Krantz.* Lib. I. Cap. II.

15. *Ibidem ;* Lib. IX. Cap. XXI.

16. *Ibidem.* Lib. I. Cap. II ; *Jacobi Ulfeldii Legatio Moscovitica sive Hodoeporicon Ruthenicum // Historiae Ruthenicae Scriptores: exteri saeculi XVI.* / ed. Adalbertus

de Starczewski. Vol. I. Berolini et Petropoli, MDCCCXLI. P. 3 ; *Kappeler A.* «Quis potest contra Deum et magnam Neugardiam». Novgorod und sein Verhältnis zum Moskauer Zentrum im Lichte von Ausländerberichten des 16. und 17. Jahrhunderts // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhunderts aus der Perspektive seiner Regionen / hrsg. von A. Kappeler. Wiesbaden, 2004. S. 167.

17. *Wandalia Alberti Krantz. Lib. XII. Cap. VII.*

18. *Ibidem. Lib. II. Cap. XXXIII.*

19. *Ibidem. Lib. II. Cap. XVII.*

20. *Ibidem. Prooemium.*

21. *Ibidem.*

22. *Ibidem.*

23. *Ibidem.*

24. *Ibidem. Lib. II. Cap. XVII.*

25. *Ibidem. Lib. I. Cap. II.*

26. *Ibidem. Lib. II. Cap. XXXII.*

27. *Ibidem. Lib. I. Cap. II.*

28. *Ibidem. Lib. VI. Cap. IX.*

29. *Alberti Krantzii Wandalia Oder: Beschreibung wendischer Geschichte... / A. Krantz. Lübeck, 1600. S. 167.*

30. *Wandalia Alberti Krantz. Lib. XII. Cap. VII.*

31. *Ibidem. Lib. VI. Cap. VIII.*

32. *Ibidem. Lib. I. Cap. II.*

33. *Ibidem. Lib. XIII. Cap. VIII.*

34. *Ibidem. Lib. XI. Cap. XXVIII.*

35. *Piotrowski J.* Dziennik wyprawy Stefana Batorego po Pskow w r. 1581. / wyd. A. Czuczynski. Krakow, 1894. s. 192 ; *Подберёзкин Ф.Д.* «Wandalia» Альберта Кранца как исторический источник и идеологическое оружие: история одной книги // Берковские чтения. Книжная культура в контексте международных контактов : материалы Междунар. науч. конф., Полоцк, 24–25 мая 2017 г. / сост.: Л.А. Авгуль, Д.Н. Бакун. Минск ; Москва, 2017. С. 293–298.

36. *Doronin A.* «Russland hält dem Vergleich zu allen anderen europäischen Nationen stand». Lomonossow als Historiker // Europa und die Moderne im langen 18. Jahrhundert / hrsg. von O. Asbach. Hannover, 2014. S. 219–244.

37. *Ibidem. S. 232.*

УДК 094(=161.1)(474.5-25-823)(091)"15"

И.В. Поздеева

Виленские издания XVI века на русской земле*

В работе поставлен вопрос о решающем значении для национальной культуры широкого распространения изданий ранней кириллической печати. В качестве источника использованы результаты описания всех экземпляров кириллической печатной

* Автор благодарит Т.С. Кокареву за выполнение подсчетов, использованных в этой работе.